

УДК 343.01

Сумачев Алексей Витальевич (alekssumachev@mail.ru)
Профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса
Югорского государственного университета
Доктор юридических наук, профессор
Alexey V. Sumachev
Professor of Criminal Law and Criminal Procedure department
Ugra State University
Doctor of Jurifical Sciences, Professor

**«НАКАЗАТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ» ГОСУДАРСТВА: ФИЛОСОФСКИЙ
АСПЕКТ
“THE PUNITIVE POWER” OF THE STATE: A PHILOSOPHICAL
ASPECT**

Аннотация: В статье рассмотрены философские основы определения государственной принадлежности «права наказания». При этом основной акцент сделан лишь на тех взглядах и выводах, которые характеризуют происхождение и принадлежность «наказательной власти» государству. Также исследованы пределы вмешательства государства в общественную жизнь средствами уголовно-правового характера.

Ключевые слова: государство, власть, преступление, наказание, личность преступника, цели наказания.

Annotation: The article deals with the philosophical foundations of the definition of the “right of punishment” public nature. At the same time, the main emphasis is made only on those views and conclusions that characterize the origin and belonging of the “punitive power” to the state. The limits of state intervention in public life by means of criminal law are also investigated.

Keywords: state, power, crime, punishment, criminal identity, purpose of punishment.

Один из ключевых вопросов, который во все времена волновал философов – это вопрос о соотношении государства и права. Причем, в рамках этих концепций особое внимание уделялось уголовному праву. Такого рода интерес обусловлен, прежде всего, тем, что уголовное право отличается ярко выраженным репрессивным характером; именно в нем с особой отчетливостью проявляется властная сила государства; именно в этой сфере права интересы личности могут подлежать существенному ограничению и даже лишению. Таким образом, интерес философов к соотношению государства и уголовного права не случаен. Основу же этого интереса составляет право «наказательной власти государства».

Акцентуация внимания в рамках исследования уголовного права (как явления общественной жизни) именно на «праве наказания» не случайна. Еще в свое время, известный русский юрист А. Ф. Кистяковский говорил: «Если учение о преступлении с научной точки зрения занимает в уголовном праве первое место; если оно является главнейшею составною его частью: то, с точки зрения сущности и цели уголовного права как общественного института, первенствующее место в уголовном праве несомненно принадлежит наказанию. В нем выражается душа, идея уголовного права» [1, с. 293].

Проблемы уголовного наказания, рассматриваемые в философии, столь обширны, что для нас представляет большую трудность не сойти с пути, нами избранного. В частности, мы постараемся акцентировать внимание лишь на тех взглядах и выводах, которые характеризуют происхождение и принадлежность «наказательной власти» государству.

Анализ философских концепций уголовного наказания и, особенно в части его происхождения, позволяет говорить о том, что большинство этих теорий исходят из концептуальных выводов о природе государства как такового. Так, Т. Г. Понятовская утверждает, что «...вопросы...: какова природа

государства, должно ли оно ограничивать свою власть над гражданами, в чем состоит природа наказательной власти государства и как определяются ее границы... решение этих вопросов на уровне господствующей в обществе политико-правовой теории непосредственно влияет на содержание уголовно-правовых доктрин и систем уголовного законодательства, так как лежит в основании системного представления о целях уголовного права, уголовного закона, содержании и назначении понятий и институтов уголовного права, то есть является основой уголовно-правовой концепции» [2, с. 4–5].

Вообще, история философии и юриспруденции оставила нам в наследство великое множество имен и теорий в части, касающейся природы «права наказания». Так, П. Д. Калмыков выделял более 22 самостоятельных концепций [3, с. 158–176], Н. С. Таганцев – более 8 [4, с. 23–36], С. Познышев – более 5 [4, с. 19] и т.п. Детальное рассмотрение таковых могло бы являться предметом самостоятельного исследования. В связи с этим, движимые предметом нашего интереса, мы остановимся лишь на тех учениях, которые наиболее ярко представляют то или иное направление в философии.

Теология признает причину образования государства в природе вещей – в божественном происхождении государства и права. Согласно воззрениям теологов, «государство является результатом проявления божественной воли, практическим воплощением власти бога на земле». И далее: «По мнению богословов, любая светская власть производна от власти церкви, власти религиозных организаций. А народ должен беспрекословно повиноваться велениям государственной воли, как проявлению воли божественной» [5, с. 30].

Концепция «высшего» происхождения государства, власти и права представляется одной из самых древних теорий происхождения государства. Так, уже Платон говорил: «Мы ведь не то что древние законодатели. Те, были, как теперь рассказывают, и сами божественного

происхождения, да и законы свои они давали детям богов, героям, то есть существам также божественным» [6, с. 306]. Вместе с тем, эта теория является наиболее характерной и для средневековья. Более того, она представляет официальную доктрину современного Ватикана.

Божественное происхождение государства обуславливает принадлежность «права наказания» исключительно «высшей» власти, представителем которой на земле выступает власть государственная. В частности, древнегреческий философ-материалист Гераклит считал, что «...общество и государство немислимы вне закона: закон является социальной принадлежностью полиса и как бы источником его силы... («народ должен сражаться за закон...»)» [7, с. 169–170]. Г. Властос отмечает, что «...космическое превосходство огня в Гераклитовой физике следует понимать не как господство одной из сил природы над остальными, а как подчинение всех природных сил единому закону; в самом деле, «если все – огонь, тогда «управление» огня в космосе является космическим самоуправлением», т. е. универсальным законом, существующим «сам по себе», а не навязанным кем-либо, в том числе родовой знатью» [7, с. 169–170]. Идея всеобщего стержня в государстве по Гераклиту определяет и природу права. Ф. Х. Кессиди отмечает: «В одном из фрагментов Гераклита мы читаем: «Желающие говорить разумно должны опираться на всеобщее, так же как город на закон, и даже еще крепче; ведь все человеческие законы *trephontai* единым божественным законом, который простирает свою власть насколько желает, всему довлеет и над всем одерживает верх». Из обычного перевода слова «*trephontai*» как «питаются» следует, что правовые нормы – это проявление единого «божественного» (космического) закона» [7, с. 173]. Следовательно, единый божественный закон определяет необходимость подчинения ему всех и каждого и, как следствие, принадлежность уголовного принуждения исключительно государству. Достаточно схожа позиция и древнеримского государственного деятеля и мыслителя

Цицерона, который видит причину образования государства во врожденной потребности людей жить вместе. Государство и право возникли не по произволу людей, а согласно всеобщим требованиям природы, и вследствие этого носят божественный характер и основаны на всеобщем разуме и справедливости. В основе права лежит присущая природе справедливость. Обязанности гражданина обусловлены необходимостью следовать таким добродетелям, как познание истины, справедливость, величие духа и благопристойность [8, с. 209].

Гораздо позже немецкий философ Готфрид Вильгельм Лейбниц отмечал: «...мир есть наилучшее государство, монархом которого по истине и по праву будет совершеннейший из духов – Бог; что если однажды твердо установлено, что всем позволено быть счастливыми, то никто не может быть несчастным, кроме как по собственной вине» [9, с. 177]. Определяя идеальное государство как «Град Божий», он отмечал: «Бог может сделать, чтобы добродетель существовала в мире без всякой примеси порока, и даже будто он может сделать это легко. Но поскольку он допустил существование греха, необходимо, чтобы миропорядок, находящийся в преимущественном положении по отношению ко всякому прочему порядку, потребовал его» [10, с. 211]. Следовательно, по мнению Лейбница, природа наказательной власти имеет «высшее» происхождение, ибо, если Бог допускает зло, и устанавливает определенные средства его предотвращения, он делает это умышленно ввиду неких причин, так как он всегда избирает наилучшее [10, с. 214–215].

По мнению соотечественника Лейбница – немецкого философа и политического деятеля Юлиуса Шталя – авторитет государства покоится не на суверенитете и не на естественном праве, а непосредственно на божественном установлении [11, с. 245]. Соответственно этому Шталь развивает и теорию наказательной власти государства, по которой «...наказание выводится из догматов религии. Право и законы составляют звено между царством Бога

и царством природы. Государство есть наместник Бога на земле» [3, с. 171], в связи с чем лишь государство обладает правом на наказание преступника.

Теологическая концепция происхождения государства и права в полной мере характерна и для части русских мыслителей прошлого. Так, философ-богослов С. Н. Булгаков, в свою очередь, писал: «Власть излучается произвольно и возникает органически и конкретно, как историческая власть. Народное сознание, пока оно не затянато еще в своих глубинах песком рационализма, не колеблясь, исповедует особый священный авторитет власти. Она зачинается в недрах народной души, и ее рождение лишь опознается и провозглашается актом «воли народной». Эта последняя или сознает себя орудием Высшей Воли, – и тогда мы имеем власть «Божией милостию», или же видит в себе мистическое осуществление народного верховенства. Власть как таковой неизменно присущ известный религиозный или мистический ореол, который позлащает не только корону наследственного монарха, но и ликторскую секиру республиканского консула» [12, с. 335]. В этой связи, продолжает С. Н. Булгаков: «Власть двойственна по природе, она знает активное и пассивное начало, слагается из властвования и подчинения, причем и то и другое в основе своей имеет иррациональный и мистический характер. Власть, сознающая себя законной, а не самозванной, ощущает в себе волю, право и силу повелевать, – с инстинктивной царственностью, без рассуждения или рефлексии; равно и лояльное повиновение должно быть не рассудочным, но непосредственным и в известном смысле не рассуждающим, слепым. Таков инстинкт власти, первоначальный и темный» [12, с. 337]. Инстинктивно царственная политическая (государственная) власть, но лишь в форме повелевания, не может, тем не менее, «... быть только чистым произволом правителей, и в принудительную форму права, облеченного защитой организованного принуждения, может быть закономерно включено не всякое содержание, а лишь принимаемое или пропускаемое фактическим правосознанием. Иначе говоря, существует «естественное

право», составляющее высшую норму и задачу для положительного права, «право права». Власть и право в жизненной своей слиянности неразрывны и соотносительны; если право имеет свое основание во власти, то и последняя свою жизнь проявляет в праве: оно есть «высказанное слово» власти, ее «энергия» [12, с. 337–338]. Но коль скоро власть в форме повеления есть «право права», постольку подчинение должно быть не рассуждающим, а слепым. Эта природа в полной мере характерна для всех прав, включая право использовать некоторые средства предотвращения неповиновения (наказание).

Таким образом, представители теологической концепции происхождения государства видят причину образования государства в природе вещей – в божественном происхождении государства и права. Государство является результатом проявления божественной воли, практическим воплощением власти бога на земле. И в этой связи, государство обладает «правом наказания» на том основании, что высшая Божия воля находит свое исключительное выражение именно в государственной власти. Божественность происхождения государства и права, как единый и высший разум в мире, определяет необходимость подчинения закону всех и каждого.

В соответствии с теорией происхождения государства посредством общественного договора (естественно-правовая концепция), государство возникло в результате договора людей о совместном проживании, при котором последние часть своих прав, присущих им от рождения, передают государству как органу, представляющему их общие интересы [5, с. 30–31]. В ряду этой концепции выделяется множество ее разновидностей, но сущность всех их остается неизменной – наличие некоего политического контракта между членами человеческого общежития.

Так, древнегреческий философ-идеалист Платон говорил о том, что государство создает наши проблемы [13, с. 130]; нидерландский философ Бенедикт Спиноза рассуждал о государстве как о необходимости жить

в безопасности и наилучшим образом [14, с. 314]; итальянский философ Николло ди Бернардо Макиавелли соотносил происхождение государства со сложностями человеческого существования; а сложности совместной (общественной) жизни с возникновением права (законов) [15, с. 464]; нидерландский юрист, историк и государственный деятель Гуго Гроций определял государство как «совершенный союз свободных людей, заключенный ради соблюдения права и общей пользы» [16, с. 74]; по мнению английского философа Томаса Гоббса, образование государства (договор) есть выход из естественного состояния всеобщей войны [17, с. 115, 127]; по словам представителя французского Просвещения Жан-Жака Руссо, образование политически-организованного общества преследует цель создание такой «...формы ассоциации, которая защищает и ограждает всю общую силою личность и имущество каждого из членов ассоциации и благодаря которой каждый, соединяясь со всеми, подчиняется, однако, только самому себе и остается столь же свободным, как и прежде» [18, с. 160]; итальянский мыслитель Чезаре Беккариа, а вслед за ним и российская императрица Екатерина II в своем «Наказе» от 30 июля 1767 г., данном Комиссии о сочинении проекта нового уложения, также выводили природу государства из договорной теории: «Законы суть условия, на которых люди, существовавшие до того независимо и изолированно друг о друга, объединились в общество» [19, с. 67] («Законы можно назвать способами, коими люди соединяются и сохраняются в обществе и без которых общество бы разрушилось») [19, с. 267–297]; представители нетрадиционного направления в философии – Фридрих Ницше и Артур Шопенгауэр – говоря о происхождении государства также имеют ввиду некий людской договор [20, с. 365, 433; 21, с. 180]. Договорная теория происхождения государства, по справедливому мнению Т. Г. Понятовской, «...не противоречила общим представлениям о государстве и праве в теориях, получивших наибольшее распространение в первой трети XIX века в России» [2, с. 39]; К. Паулович

[2, с. 30]; Евгений Николаевич Трубецкой [4, с. 199]; Владимир Сергеевич Соловьев [22, с. 701] и другие. Таким образом, несмотря на многообразие представленных историей научной мысли концепций относительно происхождения государства (и права), их сущность остается неизменной – некий политический контракт между членами человеческого общежития. В результате такого договора всех со всеми, люди жертвуют частью своей свободы во имя целого. Но общество, как совокупность свобод (воль), в то же время представляет собой множество единичных желаний и волеий, что, естественно, не исключает, и, более того, с необходимостью обуславливает наличие коллизий общественных и частных интересов. Антиобщественная, в широком смысле, реализация частного интереса есть нарушение условий существования целого организма – государства. Поэтому, все без исключения представители естественно-правовой теории происхождения государства едины в своем выводе: именно цель происхождения (создания) государства – сохранение целого – определяет публичную природу реакции на наиболее существенные нарушения условий существования общества (государства), то есть «права наказания» [13, с. 194; 14, с. 320; 15, с. 482; 16, с. 159; 17, с. 146–147; 18, с. 164; 19, с. 71; 21, с. 180; 8, с. 199; 22, с. 703–704].

Н. Макиавелли, например, определяя важный постулат, согласно которому «охрану какой-нибудь вещи надлежит поручать тому, кто бы менее жаждал завладеть ею» [15, с. 472], формулировал на его основе вывод: «...когда охрана свободы вверена народу, он печется о ней больше и, не имея возможности сам узурпировать свободу, не позволяет этого и другим» [15, с. 473]. При этом, по его мнению, «... из всех прав, какими можно наделить людей, поставленных блюсти свободу города, самым полезным и нужным является право обвинять граждан перед всем народом, любым магистратом или собранием, если эти граждане в чем-то посягнули на свободу государства» [15, с. 480–481]. Обоснование этого он видит в следующем:

«Когда по закону преследуется какой-либо гражданин, то даже если его утесняют несправедливо, от этого не будет большого или даже вовсе никакого беспорядка в государстве, ибо исполнение закона не должно зависеть ни от воли отдельных граждан, ни от вмешательства посторонних сил, а именно они и губят свободный уклад жизни. Исполнение закона обеспечивается республикой при помощи сил и установлений, которые не могут идти во вред государству» [15, с. 482]. Это же мы находим у Грочия: поскольку «государство установлено для обеспечения общественного спокойствия, то ему принадлежит некое верховное право над нами и нашим достоянием, поскольку это необходимо для осуществления государственных целей» [16, с. 159]; у Беккариа – «право верховной власти наказывать за преступления основано на необходимости защищать вверенное ей общественное благо от узурпации его частными лицами» [19, с. 69]; у Шопенгауэра – «Существование в государстве наказания и исключительная принадлежность его государству обусловлена целями последнего – поддержание законного правопорядка, который заключается в том, что сконцентрированные силы всех защищают каждую отдельную личность» [21, с. 180]; у Е. Н. Трубецкого – «Общество не может оставаться равнодушным к факту уголовного преступления. Прощу ли я или не прощю человека, посягнувшего на мою жизнь или причинившего мне увечья, – обществу до этого нет дела: оно не может допустить, чтобы безнаказанно совершались преступления, – иначе воцарится анархия и наступит конец обществу. В уголовном деле необходимо присутствует публично-правовой элемент – общественный интерес» [8, с. 199]; у В. С. Соловьева – «Чтобы оправдать свои требования от частных лиц, государство должно взять их интересы под свою действительную защиту; чтобы навсегда упразднить частное право кровной мести, государство должно превратить его в публичное, т. е. принять на себя его исполнение» [22, с. 703] и, соответственно этому, «Всякий свободный человек становится гражданином, т. е. членом самого

государства, принимающего на себя задачу охранять его безопасность; всякое ее нарушение рассматривается государственной властью, как покушение на ее собственное право, как враждебное действие против общественного целого. Все насилия против личности и имущества кого бы то ни было рассматриваются уже не как частные обиды, а как нарушения государственного закона, и потому наравне с политическими преступлениями подлежат отмщению самого государства» [22, с. 703–704]; и у многих других.

Даже весьма максималистские воззрения Руссо на природу и объем «права наказания» также исходят из целей происхождения (создания) государства: «Поскольку суверен образуется лишь из частных лиц, у него нет и не может быть таких интересов, которые противоречили бы интересам этих лиц; следовательно, верховная власть суверена нисколько не нуждается в поручителе перед подданными, ибо невозможно, чтобы организм захотел вредить всем своим членам; ...он не может причинять вред никому из них в отдельности» [18, с. 163]. В этой связи, по мнению Руссо, суверен «стоит выше и судьи и Закона», ибо «... гражданину уже не приходится судить об опасности, которой Закону угодно его подвергнуть, и когда государь говорит ему: «Государству необходимо, чтобы ты умер», – то он должен умереть, потому что его жизнь не только благодеяние природы, но и дар, полученный им на определенных условиях от Государства» [18, с. 175]. В обоснование своего столь крайнего положения, Руссо приводит следующие аргументы необходимого принудительного вмешательства в сферу прав личности: «В самом деле, каждый индивидуум может, как человек, иметь особую волю, противоположную общей или несходную с этой общей волей, которой он обладает как гражданин. Его частный интерес может внушать ему иное, чем то, чего требует интерес общий» [18, с. 163]. И далее Руссо продолжает: «Итак, чтобы общественное соглашение не стало пустою формальностью, оно молчаливо включает в себя такое обязательство, которое одно только может дать силу другим обязательствам: если кто-либо

откажется подчиняться одной общей воле, то он будет к этому принужден всем Организмом, а это означает не что иное, как то, что его силою принудят быть свободным. Ибо таково условие, которое, подчиняя каждого гражданина отечеству, одновременно тем самым ограждает его от всякой личной зависимости: условие это составляет секрет и двигательную силу политической машины, и оно одно только делает законными обязательства в гражданском обществе, которые без этого были бы бессмысленными, тираническими и открывали бы путь чудовищнейшим злоупотреблениям» [18, с. 164].

Таким образом, основная цель, стоящая перед государством, обеспечение безопасности всех и каждого (в конечном итоге – сохранение самого себя), в соответствии с естественно-правовой концепцией происхождения государства определяет публичную природу «права наказания».

Большинство более частных теорий относительно государственной природы «наказательной власти» так же исходят из договорной концепции происхождения государства. Среди них можно назвать психологическую теорию Георга Еллинека [23, с. 48, 131], так называемую террористическую теорию Гмелинга (*Abschreckungstheorie*), теорию специального предупреждения Грольмана и теорию общего предупреждения, или, как ее иначе называют – психического вынуждения или устрашения – Пауля Иоганна Ансельма Фейербаха, к последователям которой относились Клейншрот и Эрстедт, пытавшиеся соединить ее с теорией Грольмана [3, с. 162–164], а равно русские ученые В. К. Елпатьевский, П. Д. Лодий, Г.С. Гордеенко [2, с. 26–27], теорию исправления преступника Иеремиа Бентама, самосохранения или необходимой обороны немецкого философа Шульца (*Vertheidigungstheorie*), государственного выкупа Иоганна Готлиба Фихте, а также теории Росси, Гизо [3, с. 160–175] и других. Но и они все без исключения, в части определения публичной (государственной) природы «права наказания», исходят из необходимости самосохранения

социума – и государства как такового, и отдельно взятого лица как необходимого условия существования организованного общества.

Один из основателей классовой теории происхождения государства Фридрих Энгельс, в частности, писал: «Итак, государство никоим образом не представляет собой силы, извне навязанной обществу. Государство не есть «действительность нравственной идеи», «образ и действительность разума», как утверждает Гегель. Государство есть продукт общества на известной ступени развития; государство есть признание, что это общество запуталось в неразрешимое противоречие с самим собой, раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно. А чтобы эти противоположности, классы с противоречивыми экономическими интересами не пожрали друг друга и общество в бесплодной борьбе, для этого стала необходимой сила, стоящая, по-видимому, над обществом, сила, которая бы умеряла столкновения, держала его в границах «порядка». И эта сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него, есть государство» [24, с. 196–197]. Более радикальные выводы относительно природы государства, несколько позднее были развиты В. И. Лениным. По его мнению, государство есть «...машина для угнетения одного класса другим, машина, чтобы держать в повиновении одному классу прочие подчиненные классы» [25, с. 75]. В связи с этим, наказание потому принадлежит исключительно государству, поскольку является необходимым средством удержания подчиненных классов под властью соответствующей политической элиты. Широко известно и другое высказывание В. И. Ленина о том, что мы ничего «частного» не признаем, для нас все есть публично-правовое [26, с. 398]. Карл Маркс видел происхождение исключительно публичного характера «права наказания» в следующем: «Публичное наказание представляет собой примирение преступления с государственным разумом, оно поэтому есть право государства, но такое право, которое государство так же не может

передать частным лицам, как не может один человек уступить другому свою совесть... Если даже допустить, чтобы государство отказалось от своих прав, т. е. совершило самоубийство, то все же отказ государства от своих обязанностей был бы не только попустительством, но и преступлением» [27, с. 150]. По сути своей и классовая концепция происхождения государства и «права наказания» есть некоторая весьма радикальная разновидность договорной теории – государство есть продукт необходимой консолидации классовых противоречий (договора) и «право наказания» есть необходимое исключительно публичное средство обеспечения существования государственного механизма.

Достаточно своеобразны, по своей сути, рассуждения о природе наказательной власти с позиций классической и, прежде всего, немецкой классической философии. Характерная черта объяснения природы «наказательной власти» представителей этого направления проявляется в том, что они не связывают «право наказания» с концепциями происхождения государства, а выводят его из самого себя. Так, основатель немецкой классической философии Иммануил Кант выводит наказание непосредственно из предписаний разума, а не из требования общественной пользы. Он утверждает, что налагаемое судом наказание «...никогда не может быть для самого преступника или для гражданского общества вообще только средством содействия какому-либо благу: наказание лишь потому должно налагаться на преступника, что он совершил преступление, ведь с человеком никогда нельзя обращаться лишь как со средством достижения цели другого лица» [28, с. 366]. И далее Кант продолжает: «Он должен быть признан подлежащим наказанию до того, как возникнет мысль о том, что из этого наказания можно извлечь пользу для него самого или для его сограждан» [28, с. 367]. Из этого он выводит формулу, что наказание должно быть абсолютно равным преступлению (*talio*), взвешенным на весах правосудия. Отсутствие каких-либо задач, стоящих перед наказанием, по Канту,

свидетельствует о том, что наказание существует само по себе и для себя, как некая разумная мера. Анализируя учение Канта о наказании, наиболее четко эту кантовскую мысль выразил П. Д. Калмыков: «Наказание должно существовать не потому, что оно полезно, но потому, что оно требуется разумом» [3, с. 168].

Весьма существенную разработку в рамках классической философии вопрос о природе «наказательной власти» получил в книге «Философия права» Георга Вильгельма Фридриха Гегеля. Характерная черта этой концепции выражается в том, что он также не связывает природу наказания с концептом происхождения государства. «Государство, – по его мнению, – есть действительность нравственной идеи – нравственный дух как очевидная, самой себе ясная, субстанциальная воля, которая мыслит и знает себя и выполняет то, что она знает и поскольку она это знает» [29, с. 279]. Таким образом, по мнению Гегеля: «Государство как действительность субстанциальной воли, которой оно обладает в возведенном в свою всеобщность особенном самосознании, есть в себе и для себя разумное. Это субстанциальное единство есть абсолютная, неподвижная самоцель, в которой свобода достигает своего высшего права, и эта самоцель обладает высшим правом по отношению к единичным людям, чья высшая обязанность состоит в том, чтобы быть членами государства» [29, с. 279]. Природу наказания немецкий философ выводит из природы преступления, где наказание, с одной стороны, является правом преступника, с другой, характеризующей его сущность, – представляет собой отрицание отрицания [29, с. 145–148]. Относительно же соотношения государства и наказания Гегель, в итоге, утверждает: «Но государство вообще не есть договор, а защита и обеспечение жизни и собственности индивидов в качестве единичных не есть необходимо его субстанциальная сущность; государство есть то наивысшее, которое притязает на саму эту жизнь и собственность и требует, чтобы они были принесены в жертву. Далее, государство должно утвердить с согласия отдельных

людей или без их согласия не только понятие преступления, разумность этого понятия в себе и для себя, но и в деянии преступника заключена и формальная разумность, воление единичного человека. В том, что наказание рассматривается как содержащее его собственное право, преступник почитается как разумное существо. Эта честь не будет ему воздана, если понятие и мерило его наказания не будут взяты из самого его деяния; так же и в том случае, если рассматривать его как вредного зверя, которого следует обезвредить или стремиться запугать и исправить его. Что же касается, далее, способа существования справедливости, то форма, которую она имеет в государстве, а именно наказание, не единственная форма, и государство не есть предпосылка, обуславливающая собой справедливость» [29, с. 145].

Вслед за Кантом и Гегелем природу наказания из самого себя выводит французский публицист Виктор Кузен. Он, в свою очередь, замечает, что «человек, учинивший дурное деяние, чувствует, что он заслуживает наказания. Когда несправедливое деяние было учинено в общественной сфере, то необходимо и общественное наказание. Общество может наказывать потому, что оно должно наказывать. Наказание не есть справедливо потому только, что оно предупредительно и исправительно, но оно предупредительно и исправительно, потому что оно справедливо» [3, с. 175].

Проведенный анализ различных философских концепций относительно природы «права наказания», позволяет говорить о том, что большинство этих теорий исходят из концептуальных выводов о природе государства как такового. Вместе с тем, можно выделить ряд концепций, где происхождение «наказательной власти» государства выводят не из естественной природы такового, а либо из некой единой высшей природной силы, либо – самого себя.

1. К первым относятся теории представителей теологического направления в философии (Гераклит, Цицерон, Лейбниц, Шталь, Булгаков и др.). Они видят причину образования государства в природе вещей

– в божественном происхождении государства и права. Государство является результатом проявления божественной воли, практическим воплощением власти бога на земле. И в связи с этим, государство обладает «правом наказания» на том основании, что высшая Божия воля находит свое исключительное выражение именно в государственной власти. Божественность происхождения государства и права, как единый и высший разум в мире, определяет необходимость подчинения закону всех и каждого.

2. Абсолютные (философские в чистом виде) теории исходят не из произвола людей (общественного договора), а из нравственной необходимости наказания. Исключительная особенность объяснения природы «наказательной власти» представителей, прежде всего немецкой классической философии (Кант, Гегель и др.), проявляется в том, что они не связывают «право наказания» с концепциями происхождения государства, а выводят его из самого себя. Поэтому наказание само по себе есть цель и основано на этой же необходимости – как высший разум. «Вывод абсолютных теорий есть тот, что наказание имеет основание в самом преступлении, а применение его опирается на внутреннюю его справедливость» [3, с. 178].

3. Однако наибольшее распространение получили концепции, объясняющие природу «наказательной власти» государства, исходя из естественно-правовой взаимообусловленности происхождения государства и права как таковых (Платон, Спиноза, Макиавелли, Гроций, Гоббс, Руссо, Беккариа. Екатерина II, Ницше, Шопенгауэр, Паулович, Трубецкой, Соловьев, Гмелинг, Грольман, Бентам, Фейербах, Шульц, Фихте, Росси, Гизо и др.). В ряду этих теорий выделяется множество их разновидностей, что обусловлено либо акцентуацией внимания на одной из целей государства, либо человеческой природе как таковой, либо психологических основах личности и социума и т. п. Однако сущность данных концепций остается неизменной – некий политический контракт между членами человеческого общежития. В результате такого договора всех со всеми, люди жертвуют частью своей свободы

во имя целого. Именно сохранение целого в конечном итоге обуславливает публичную природу «права наказания».

4. Теория классовой обусловленности государства и права (Маркс, Энгельс, Ленин и др.) представляет собой одно из наиболее радикальных (даже в сравнении с Гоббсом и Руссо) течений в области происхождения «наказательной власти» государства. Если Гоббс и Руссо говорят об относительно безграничной власти государства, оставляя в распоряжение человека часть его естественных прав, то Маркс, Энгельс, Ленин и др. стоят на позиции абсолютной государственно-властной монополизации всей системы общественных отношений. О несостоятельности данной концепции свидетельствует не только отечественная, но и вся мировая история.

Библиографический список

1. Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Т.1. Общая часть. – Киев: университетская типография, 1875. – 413 с.
2. Понятовская Т. Г. Концептуальные основы уголовного права России: история и современность. – Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1994. 140 с.
3. Калмыков П. Д. Учебник уголовного права. Части Общая и Особенная. (Изданный А. Любавским). – СПб., 1866. 535 с.
4. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая: в 2 т. Т. 2. – М.: Наука, 1994. 393 с.
5. Кулапов В. Л. Происхождение государства и права // Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. – М.: Юристъ, 1997. 672 с.
6. Платон. Законы. Собрание сочинений в 4 т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи; Авт. вступ. ст. в примеч. А. Ф. Лосев; Примеч. А. А. Тахо-Годи. – М.: Изд-во «Мысль», 1994. 830 с.

7. Кессиди Ф. Х. Гераклит. – М.: Мысль, 1982. 200 с.
8. Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. – СПб.: Изд-во «Лань», 1999. 201 с.
9. Лейбниц Г.-В. Сочинения в четырех томах: Т. 1. – М.: Мысль, 1982. 636 с.
10. Лейбниц Г.-В. Сочинения в четырех томах: Т. 4. – М.: Мысль, 1989. 554 с.
11. Алексеев Н. Н. Основы философии права. – СПб.: Изд-во «Лань», 1999. 251 с.
12. Булгаков С. Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. – М.: Республика, 1994. 415 с.
13. Платон. Филеб, Государство, Тимей, Критий / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи; Авт. вступ. ст. и ст. в примеч. А. Ф. Лосев; Примеч. А. А. Тахо-Годи. – М.: Изд-во «Мысль», 1999. 656 с.
14. Спиноза Б. Богословско-политический трактат / Пер. с латинского М. Лопаткина. – Минск: Литература, 1998. 527 с.
15. Макиавелли Н. Избранное. Пер. с итал. – М.: «РИПОЛ КЛАССИК», 1998. 800 с.
16. Гроций Г. О праве войны и мира: Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права / Пер. с лат. А.Л. Саккетти. – М.: Госюриздат, 1956. 868 с.
17. Гоббс Т. Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. – М., 1936. 503 с.
18. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права // Трактаты. – М., 1969. 710 с.
19. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. – М.: «Стелс», 1995. 304 с.
20. Ницше Ф. Сочинения в 2-х томах. Т.1. Литературные памятники / Составление, редакция изд., вступ. ст. и примеч. К.А. Свасьяна; пер. с нем. – М.: Изд-во «Мысль», 1990. 830 с.
21. Шопенгауэр А. Избранные произведения. – М.: Просвещение, 1992. 479 с.

-
22. Соловьев В. С. Чтения о богочеловечестве. Духовные основы жизни. Оправдание добра. – Минск: Харвест, 1999. 910 с.
 23. Еллинек Г. Социально-этическое значение права, неправды и наказания. (Пер. И. И. Власова со второго, просмотренного автором издания, под ред. приват-доцента А. А. Рождественского. с предисл. проф. П. И. Новгородцева). – М.: Товарищество «Печатня С.П. Яковлева», 1910. 148 с.
 24. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. Избранные произведения. В 3-х томах. Т. 3. – М.: Политиздат, 1986. 639 с.
 25. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1963. 624 с.
 26. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1964. 726 с.
 27. Маркс К. Дебаты по поводу закона о краже леса // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. Т.1. – М.: Гос-ное изд-во полит. лит., 1955. 599 с.
 28. Кант И. Метафизика нравов. Сочинения в 8 томах. Т. 7. – М., 1994. 495 с.
 29. Гегель. Философия права / Пер. с нем.: Ред. и сост. Д. А. Керимов и В. С. Нерсисянц; Авт. вступ. ст. и примеч. В. С. Нерсисянц. – М.: Мысль, 1990. 524 с.